

А.В. ОБОЛОНСКИЙ

Либеральная vs бюрократическая ментальность и российская трансформация конца XX — начала XXI века

В статье рассматривается социально-этический аспект событий времен перестройки и первых постсоветских лет. По мнению автора, это были годы расцвета этических либеральных ценностей и соответствующих им романтических надежд и ожиданий, социального запроса на честность власти и справедливость. Но серьезная недооценка значения моральных факторов в процессе реформ породила их последующий кризис, общее разочарование в либерализме и долговременные негативные последствия. Обретение интеллектуальных и политических свобод совпало с почти катастрофической экономической ситуацией и необходимостью жестких мер, которые спасли страну от катастрофы, но за высокую политическую цену, ибо оказались психологически ложно связаны в массовом сознании с либерализмом как таковым. Показана динамика процесса истощения ресурса терпимости к материальному обеднению, компенсируемому политическими свободами. Описан парадокс двойного отношения к либерализму в советской интеллектуальной и бюрократической средах. Избыточная преемственность прежних кадров на управленческих должностях породила в их среде моральную аномию, кризис идентичности и отчуждение: чиновники оказались ни профессионально, ни морально не готовы к работе в принципиально новых условиях транзита. Это способствовало и расцвету системной коррупции. Другим негативным фактором стал феномен обманутого доверия, который перешел с персонального на институциональный уровень, подорвал доверие к демократическим институтам и государству как таковым и даже к вере в принципиальную возможность иметь честное правительство. В заключительной части автор обращается к современной ситуации и находит в ней определенные основания для оптимизма, отмечая возрождение запроса на справедливость и нежелание терпеть ее отсутствие. В данном контексте общественный протест рассматривается как нормальный элемент социальной активности и политического участия, условие существования гражданского общества. Также отмечается такая форма порой интуитивного возрождения либеральных ценностей, как формирование горизонтальных связей и параллельных неполитических структур в разных областях общественной жизни.

Ключевые слова: либерализм, бюрократия, этика, политические свободы, кризис идентичности, доверие, протест, разочарование.

DOI: 10.31857/S086904990000368-6

Данная статья родилась как развитие темы моего выступления на международной конференции по проблемам российского либерализма в Турине (Италия) в октябре 2017 г. Я в данном случае ни в какой мере не ставил своей целью рассмотрение вопросов сущности, различных аспектов и исторической динамики либеральных ценностей в разных странах и философских школах, а ограничился вопросом о либеральных и административно бюрократических взглядах и подходах к российским реформам на послед-

нем этапе существования СССР и в первые постсоветские годы. Такое самоограничение позволяет сосредоточиться на одном, но чрезвычайно важном, а в некоторых моментах играющем ключевую роль *социально-этическим аспекте* событий.

Серьезная недооценка этических факторов в конце 1980-х–1990-х гг. породила в России кризис либеральных ценностей и имела долговременные негативные последствия. Хотя сегодня, через 30 лет после начала преобразований, мне видятся некоторые моменты, связанные с перспективами и формами их возрождения на современном этапе.

В своем анализе я исхожу из классического понимания либерализма, не углубляясь в его различные толкования, внутренние мировоззренческие и исторические аспекты. Тем более, что даже российская интеллектуальная элита, за небольшими исключениями, в период, о котором пойдет речь, не обладала достаточно четким и адекватным представлением о приоритетах и стандартах либеральных взглядов и подходов к политическим и социальным реформам. В плане же этической парадигмы я основываюсь на работах таких авторов английской школы (иногда называемой "новой этикой") либеральной этической философии, как Дж. Мур, Л. Витгенштейн, К. Поппер, а также на трудах "тюменской" школы прикладной этики, возглавляемой В. Бакштановским.

Мне представляется, что в общественном восприятии горбачевской перестройки, особенно на первых ее этапах, был очень значим *этический фактор*, поскольку ее пафос был во многом направлен против имманентно присущим жизни в СССР лжи, лицемерию, бесчестности, двойному мышлению. Поэтому можно сказать, что при всей многофакторности связанных с ней процессов перестройка, как минимум, содержала и очень серьезный *моральный* компонент, связанный с либеральными ценностями и ожиданиями. К сожалению, политиками, осуществлявшими преобразования в постгорбачевский период, это недооценивалось.

Парадокс двойного отношения к либерализму

Во времена СССР отношение к либерализму содержало в себе элемент парадокса. На формальном, официальном уровне оно было сугубо отрицательным – негативно презрительным. Что по-своему и логично, поскольку либерализм исходит из посылок, полностью противоречащих советской доктрине максимального огосударствления всего и вся. А в риторическом плане презрительно унижающее отношение к либералам произрастало из печально известной фразы В. Ленина, согласно которой интеллигенция (то есть носители либеральных ценностей) – не мозг нации, а субстанция прямо противоположного свойства, отбросы, выделяемые человеческим организмом, поименованные к тому же при этом словом из обценной лексики. Разумеется, в специальной, научной литературе советского времени можно найти и гораздо более элегантные, пристойные по форме пассажи и оценки. Однако в целом либерализм как явление с точки зрения официоза даже в лучшем случае оценивался как нечто в основах своих неверное, наивное, психологически и ментально неполноценное.

Парадокс же состоит в том, что вопреки утвердившемуся официальному отношению, позитивный, хотя и довольно смутный, образ либерализма как чего-то хорошего, даже идеального, выжил и "тепился" в интеллектуальной рефлексии, причем разных слоев общества. И когда идеологическое и политическое давление ослабло, он поразительно быстро превратился в весьма значимый элемент общественного настроения и надежд. Правда, довольно странным образом.

Бюрократическая ментальность и либерализм

Как неоднократно отмечалось, советский строй – это строй господства бюрократии (см. например, [Восленский 1991]). Вообще говоря, бюрократическая ментальность не слишком согласуется с либеральными взглядами. Даже в странах Запада. Бюрократы по самому характеру деятельности более склонны к дирижизму и даже к

патерналистскому видению своей роли. Это связано и с традициями, и с объективной позицией чиновника в системе правления. Сказанное вдвойне справедливо по отношению к бюрократам советского образца, к чиновникам, порожденным советской системой.

Классический бюрократ советского образца – антипод либерала, как говорится, по определению. И по общей идеологии системы, и по роли в ней чиновника он должен был обеспечить проведение в жизнь принципов дирижизма, максимального контроля над всем. Кроме того, он, в отличие от чиновника в демократических политико-управленческих системах, был ориентирован не "вниз", не на нужды и ожидания граждан, а прежде всего на выполнение приказов и требований вышестоящего начальства. Ведь *публичной службы* в подлинном значении слова в советской системе *не существовало*. Она и не могла существовать хотя бы из-за ее несовместимости с авторитарной моделью правления. Обычная в XX в. для западных стран *merit system* – система заслуг и достоинств при отборе кандидатов на управленческие позиции, практически ни в одной из социалистических стран не существовала. Вместо нее господствовала партийно-номенклатурная система. СССР был отнюдь не уникален в этом отношении. Во всех странах советского блока чиновники были лишь "приводным ремнем" для осуществления политической линии правящей партии. Линии, кстати говоря, периодически довольно существенно менявшейся.

После падения коммунизма несколько постсоциалистических стран предприняли определенные усилия по созданию подлинно публичной государственной службы. В некоторых из них результаты таких усилий дали больший позитивный эффект, в некоторых – меньший. Но, на мой взгляд, едва ли можно найти в этой части мира хотя бы один полностью удачный пример реформы государственной службы. Скорее имеет смысл говорить о возникновении ряда полностью бюрократизированных государств, то есть государств, где непомерный объем власти оказался в руках социально безответственной и коррумпированной бюрократии.

Думается, Россия представляет собой классический пример подобной метаморфозы. Хотя формально она прошла с 1991 г., как минимум, через пять "раундов" попыток реформ и три объявленные государственные программы реформирования, качество ее государственной службы скорее ухудшилось, чем улучшилось. Особых достижений ни объективный анализ, ни общественное мнение, ни даже оценки "начальства" не отмечают. И даже само слово "публичная" по отношению к системе управления страной не прижилось. Она по-прежнему называется государственной. Хотя я не думаю, что все, или даже большинство, российских чиновников – безнадежно "плохие парни". Их "моральный портрет", как представляется, существенно многоцветнее и сложнее.

При этом надо помнить, что советские чиновники, которые и стали первым поколением постсоветского чиновничества, все без исключения были обучены, работали и оценивались по целиком антилиберальным правилам, в рамках полностью антилиберальной парадигмы. Можно предложить их следующую грубую типологию:

- "правоверные" коммунисты советского образца;
- "колеблющиеся ревизионисты" в мыслях и на словах, но на деле безропотные исполнители любых распоряжений, независимо от личных взглядов;
- просто "рабочие лошадки", "винтики" системы, не думающие о последствиях своих действий за пределами личного горизонта;
- циники.

Разумеется, возможны и другие, более тонкие и нюансированные классификации. Например, по формальной должностной позиции, по месту в системе, по типу органа управления – партийные, государственные, профсоюзные... Можно выделить и страту "придворных" бюрократов. До 1991 г. это был аппарат ЦК КПСС (хотя и внутри него тоже были свои тонкости: как когда-то заметил А. Бовин, работавший в этом ведомстве, "система у нас была хоть и однопартийная, но многоподъездная"). Вычленение других особенностей и нюансов можно продолжать еще долго.

Однако главная проблема для обсуждаемого сюжета состояла в другом – в условиях новой, радикально изменившейся в сторону либерализма политики **все** чиновники старой формации утратили привычное сознание своего общественного статуса как важного звена социальной системы. Их роль в новой системе отношений изменилась и в значительной мере понизилась. Полномочия были преобразованы и сокращены. Предыдущие профессиональные навыки и компетенции в новой ситуации оказались невостребованными. От них объективно стал требоваться совсем иной характер профессиональной работы, к которому большинство было ни профессионально, ни морально не готово. За небольшим числом исключений, унаследованных постсоветской Россией, чиновники были просто не в состоянии обеспечить объективно необходимый уровень профессиональных административных управленческих действий. Отсюда, помимо прочего, неизбежно понизилось и связанное с этим самоуважение.

В результате возник эффект ресентимента, или, следуя терминологии Э. Дюркгейма, **моральной аномии**. А формы адаптации к нему варьировались в амплитуде от отчуждения и эскапизма до открытого или, чаще, скрытого сопротивления переменам. Одновременно расцветала коррупционная психология и соответствующий ей тип поведения. А господствовавшая тогда "ситуация Клондайка", мгновенного по историческим да и любым рациональным меркам перераспределения гигантских объемов собственности, этому способствовала. Что добавило в общую ситуацию транзита немало дополнительных серьезных проблем, сложностей и несправедливости.

Исходя из опыта транзита нескольких постсоциалистических стран, полагаю, что и в России было необходимо провести определенную **люстрацию** персонала государственных органов. Серьезные кадровые изменения, проведенные в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Я, разумеется, не имею в виду какого-либо массового увольнения порядочных и политически нейтральных администраторов, какой-либо "охоты на ведьм". Однако хоть что-то в этом направлении должно было быть сделано. А не сделано было ровным счетом ничего.

И постсоветская Россия, унаследовав административный персонал советских времен, возложила практически на тех же людей функции по проведению политики, прямо противоположной всему их предшествовавшему жизненному и профессиональному опыту. С одним, впрочем, печальным исключением: лучшая часть кадров, люди, как-то сориентировавшиеся в новых обстоятельствах, использовали прошлые связи и доступную им информацию о деталях конкретных приватизационных и финансовых операций и перетекали в новообразованные коммерческие и прочие структуры. На госслужбе же остались "худшие", более инертные и не сумевшие приспособиться к новой ситуации. Эмпирические данные на сей счет производят, надо сказать, тяжелое впечатление. Так, О. Крыштановская, даже к середине 1990-х гг. насчитывала в правительственных структурах 75%, а в бизнесе – 61% членов бывшей советской номенклатуры [Крыштановская 1995]. Причем больше половины из них попали туда даже не при М. Горбачеве или Б. Ельцине, а куда раньше – при Л. Брежнев [Савватеева 1995].

Однако политическое руководство тех времен игнорировало эту абсурдную ситуацию. И в результате мы получили явно **избыточную персональную приемственность** в аппарате управления, что, по моему мнению, стало одним из критических препятствий для успешного прохождения периода транзита. Это принципиально отличает Россию от опыта посткоммунистических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы и отчасти объясняет как особо драматические трудности наших "лихих 1990-х", так и последующее развитие событий, а также ситуацию, в которой страна оказалась ныне.

Качество нашей бюрократической машины стало хуже, чем в любые предшествующие времена, по крайней мере за последнюю пару веков. Это признают все – и политическое руководство страны, и эксперты, и потребители госуслуг на всех уровнях населения. И положение действительно трудное. Никакими полумерами проблему уже не решить. А для мер радикальных нужны политическая воля, решимость и готовность к рис-

ку. Особую сложность в данном отношении создает вполне естественное в данной ситуации отрицательное отношение к радикальным переменам, сопротивление им со стороны нынешнего бюрократического аппарата. А между тем этот аппарат и объективно необходим для проведения необходимых преобразований, и одновременно представляет одну из главных опор сложившегося политического режима. В сознании же самих бюрократов также произошли радикальные перемены: из испуганных временщиков 1990-х гг. они трансформировались в едва ли не "хозяев государства". Многие политологи так и говорят, что *произошел захват государства бюрократией*. Но вернемся в 1990-е гг.

Первая стадия процесса

На первой стадии процесса трансформаций, во времена, получившие название "перестройки", особенно на рубеже 1980-х–1990-х гг., и в "высоколобом", и в массовом сознании людей, ориентированных на перемены в либеральном направлении, доминировали отнюдь не экономические и даже не правовые аспекты либерализма, а его морально-политическая сторона и пафос. ***Свобода слова, печати, критики, собраний*** были главными в повестке дня. Наверное, такой акцент был неизбежен после многих десятилетий советского идеологического морока. При ослаблении пресса на поверхность вышли естественные человеческие потребности просто "выговориться", объединяться или, напротив, группироваться без чьей-либо указки, открыто высказывать и демонстрировать накопившуюся неудовлетворенность разными сторонами жизни и т.п. Страна тогда в немалой степени превратилась в подобие гигантского дискуссионного клуба. Причем это касалось отнюдь не только мегаполисов.

Так, проходя в конце 1980-х гг. вдоль по улице заштатного городка в Вологодской области, можно было практически без пауз слушать трансляцию выступления Горбачева на одной из последних партийных конференций. Дело было летом, окна были открыты и практически из каждого доносился его голос. А к вечеру на лавочках, в городских скверах, на берегу озера шли горячие дискуссии спонтанно собравшихся людей (кстати, тогда и в голову никому не приходило запрашивать на это какого-либо "согласования"). Во времена же I Съезда народных депутатов СССР в мае 1989 г. эмоциональный интерес к политике достиг почти эпидемического уровня: люди практически не выключали транзисторов; даже идя по улице или гуляя на природе они шли, прижимая их к уху. Возможно, такое состояние было не вполне нормальным и не могло продолжаться долго. Но оно было необходимым, как легкое болезненное состояние после прививки.

То были ***очень романтические годы, полные надежд, ожиданий и, к сожалению, иллюзий***. Вообще политический романтизм, при всей его красоте, эстетизме и возвышенности, не очень эффективен в практическом плане. Имманентно присущая ему повышенная эмоциональность упрощает политическую реальность, требуя быстрого отклика и результата. (Это, в частности, можно наблюдать на примере "постмайданной" динамики настроений украинской революции [Оболонский 2015]). Романтизм довольно быстро выдыхается в удушающе прагматичной атмосфере так называемой *realpolitic*, порой переходящей в противоположную крайность – политический цинизм и национализм.

Проблематика совмещения общечеловеческих ценностей (популярное выражение горбачевских времен) и ценностей национальных, соотношения патриотизма и национализма – вопросы важнейшие, но лишь отчасти и "по касательной" связанные с темой статьи. Поэтому ограничусь лишь парой моментов. В те годы либеральное сознание впервые за советские времена соединилось с патриотическими чувствами. "Стихийные либералы" вместо стыда и неловкости за свою страну стали гордиться ею. Я, как и многие советские "невыездные", начал тогда ездить за границу и, общаясь с самыми разными людьми, ощущал чувство уважения и даже восхищения по отношению к нам. Ведь мы сами, без чьей-либо помощи, хотя и с серьезными издержками и потерями, сбросили полутоталитарный режим. Помню, как тогда я не стеснялся говорить: "Горжусь, что я – российский гражданин". И, более конкретно: "Горжусь быть москвичом". Ни ранее, ни впоследствии подобные слова ко мне ни на язык, ни в голову больше не приходили.

А патриотизм в те годы, в отличие от последующих времен, не носил ни мифотворческого, ни агрессивного характера. Поскольку я довольно подробно обсуждал эту щепетильную тему в своей последней книге [Оболонский 2016], то в данном случае просто поделюсь одной малоизвестной цитатой из английского христианского мыслителя К. Льюиса: "Когда патриотизм становится бесом, он плодит и множит зло... Это чувство не безопасно. История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование. Чтобы он не приносил вреда, его надо принимать как сказание... Разновидность патриотизма – уже не чувство, а вера, твердая, даже грубая вера, что твоя страна или твой народ действительно лучше всех. А если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править? В самой крайней форме такой патриотизм становится тем расизмом толпы, который одинаково противен и христианству, и науке" [Льюис 1992, с. 248].

В целом годы, о которых идет речь, были *временем расцвета этических ценностей*, открытости и солидарности перед лицом трудностей. К несчастью, было больше слов, нежели практических дел. На этом *высокоэмоциональном фоне* такие, хоть и либеральные, но *"прозаические" вещи*, как, скажем, неприкосновенность частной собственности, сочетание свободы и уважения к праву, минимизация государственного вмешательства в бизнес и т.д., а также (уже по отношению к личности) – необходимость интенсивного труда, принятие ответственности за свою работу, готовность рисковать, особо не рассчитывая на поддержку со стороны государства, *оставались на периферии* повестки дня даже в интеллектуальных кругах. Конечно, экономические реформы обсуждались и довольно интенсивно, но главным образом в узких профессиональных кругах. Гораздо меньше они занимали публичное внимание, чем вопросы, связанные с политическими свободами, и определенно меньше, чем они того заслуживали.

В то же время в кругах либерально мыслящих экономистов преобладала точка зрения, что введение свободного рынка, его "невидимая рука" расставит все по своим местам и в других сферах. Иными словами, доминировала концепция *homo economicus*, или экономического романтизма, причем, на мой взгляд, в упрощенном виде. Так, презюмируя всемогущество "невидимой руки" (превратившиеся в клише слова А. Смита), как-то не очень вдумываясь, что рука эта "произрастала" из определенных этических стандартов мышления и поведения. Не случайно первая книга Смита, плод его многолетней преподавательской деятельности в университете Глазго, называется "Теория нравственных чувств". К тому же явно недооценивались трудности периода транзита.

Разумеется, этика предпринимательства развивалась независимо от интеллектуальных дискуссий, но в значительной мере в довольно "специфических", если не сказать больше, формах. Акцент был сделан не на производство товаров и иных благ для предложения их на рынке, а на перераспределение уже существующего массива собственности, причем в формах, зачастую небезупречных даже в формально юридическом плане (в амплитуде от приватизации до чисто мафиозных операций по ее захвату). К тому же не стоит забывать, что деформации советской системы породили комплекс неформальных отношений, который к середине 1980-х гг. настолько окреп, что оформился в "теневую экономику" со своей этикой поведения, привычкой обходить закон, коррумпировать проверяющие органы и т.п. Возможно, все это было неизбежно после 70 лет советского режима, запрещавшего любую независимую экономическую активность и преследовавшего ее как тягчайшее преступление. Однако, так или иначе, подобные практики имели крайне негативное влияние на характер приватизации и всю специфику постсоветского бизнеса на его первых этапах.

Таким образом, это был весьма *избирательный либерализм*. Политика и экономика развивались как бы мало завися одно от другого. Полагаю, мы имеем все основания смотреть на это как на печальный парадокс первого этапа перестройки.

Вторая стадия процесса

При этом *одновременно с улучшением положения с политическими и интеллектуальными свободами ситуация в экономике и с материальным уровнем жизни ухудшалась*. Экономика приближалась к состоянию коллапса. К тому было несколько серьезных причин, которые впоследствии, хотя и с разных сторон, обсуждались профессиональными экономистами и политиками. Не претендуя на вклад в данные дискуссии, отмечу лишь один момент, прямо связанный с темой статьи. Оказалось, что запустить процесс гласности и даже начать политическую демократизацию много легче, нежели справляться с нарастающими экономическими проблемами. Люди были вдохновлены открывшимися широкими возможностями в сферах политического и интеллектуального либерализма, о которых буквально за несколько лет до того подданным СССР и помыслить было нельзя. Да и вообще, за исключением краткого периода с февраля до октября 1917 г., они были беспрецедентны для нашей страны. Люди, поверившие в "волшебную палочку" либерализма, *были готовы терпеть* материальные лишения, *но отнюдь не беспрдельно*. Довольно скоро красная черта терпения была пройдена.

Первое правительство Ельцина оказалось в почти трагической ситуации. Время для более мягких и постепенных реформ, и без того краткое, было растрчено в политических интригах и схватках. И теперь пришлось действовать максимально быстро и жестко, не оглядываясь особо на массовые чувства и настроения. Пространства для маневра в тот момент уже практически не оставалось. Вполне реальной и даже прогнозирувавшейся многими была полная катастрофа со всеми вытекающими последствиями. Пришедшие в правительство либералы были вынуждены реализовывать эффективный и принесший быстрый экономический результат, но социально очень болезненный сценарий. Это было сделано, и фактически страна была спасена от экономической катастрофы, но за очень высокую политическую цену.

Благодаря мерам Е. Гайдара и его команды Россия не только избежала падения в пропасть, но и значительно отодвинулась от ее края. Однако *платой за это было массовое разочарование в либеральных ценностях. Жесткие экономические меры стали ассоциироваться в массовом сознании с либерализмом*. Одним из симптомов кризиса стало повышение популярности идеи "особого пути" России как цивилизации, якобы неподвластной общим закономерностям. По мнению аналитиков, это – социопсихологический маркер неблагополучия (см. например, [Травин 2015]).

Негативные моральные и психологические последствия

К этому добавился еще и *кризис идентичности*. Он был связан с тем, что социальные и профессиональные группы, обладавшие в советские времена наиболее высоким моральным престижем, не только лишились его, но и вообще утратили всякое влияние на происходившие в обществе процессы, оказались как бы "на обочине". Я имею в виду прежде всего научную и творческую интеллигенцию, хотя не только ее. Так или иначе, но именно эти люди, будучи основной частью интеллектуального либерального капитала страны, инициировали и продвигали процессы ее либерализации. А в новые времена подавляющее большинство из них оказалось невостребованным и столкнулось с необходимостью элементарного выживания и существования на низком материальном уровне. В то же время вокруг буквально из ничего возникали гигантские состояния, а их обладатели мгновенно вошли в роль новых хозяев жизни с соответствующими манерами и стилем поведения. Этот переворот, разрушивший самоуважение и понимание "смысла жизни" у миллионов людей, также был отнесен на счет либералов, воскресив насаждавшуюся советским режимом подозрительность и неприязнь к ним и найдя вульгарное воплощение в уничижительной кличке "либерасты". В качестве ограниченной аналогии тут можно вспомнить так называемый "позолоченный век" в США XIX в. Но наша ситуация была значительно более драматичной, масштабной и негативной по последствиям.

Другим фактором, имевшим очень сильный негативный эффект на общественное мнение и сознание, был **феномен обманутого доверия**. Во время перестройки возник общественный запрос на реальную демократию и на устранение персонажей прежнего режима на всех уровнях власти. Люди поверили появившимся новым лицам с демократическими манерами, которые произносили демократические слова. К сожалению, вера эта не выдержала проверки реальностью. Хуже того, она цинично эксплуатировалась как нуворишами, так и их административными соратниками и мелкочиновной челядью. Как крайняя форма цинизма возник даже термин "новое дворянство". Причем особенно охотно его примеряли к себе сотрудники спецслужб!

Разумеется, разрыв между высокими ожиданиями и суровой реальностью, порождающий феномен последующего социального разочарования в оценке происшедших перемен, – вещь неизбежная в период транзита. Реальность всегда отличается от романтических надежд и идеализированных образов счастливого будущего. Однако в нашем случае разрыв оказался чрезмерным, неприемлемо большим. И ценой, заплаченной за это, стала **потеря доверия к демократическим институтам как таковым, к социальной справедливости вообще и даже к принципиальной возможности иметь честное правительство**. Одним из последствий такого ощущения сложившейся ситуации большинством населения стало возникновение нынешнего автократического режима. **А страшный рост системной коррупции** как имманентной части государственного управления завершил дело.

Капля оптимизма в заключение

Однако в конце хотелось бы добавить немного оптимизма. Одно из оснований для него, на мой взгляд, – возрождение в обществе такой этической установки, как **запрос на честность и справедливость**. Нынешнее российское общество, как известно, несправедливо во многих отношениях и на всех уровнях. Но в отличие от прошлых лет, люди **все менее и менее готовы терпеть эту социальную патологию**, мириться с ней как с якобы непреодолимым фактором. Это проявляется, как минимум, в двух отношениях.

Во-первых, в **нарастающих волнах протестных выступлений** по разным причинам, не обязательно напрямую связанным с политикой. И что усугубляет и обостряет ситуацию – **неготовность (или даже неспособность) властей к адекватной на них реакции**. Их типичная реакция в большинстве случаев может быть охарактеризована как смесь страха и глупости, то есть она контрпродуктивна не только с точки зрения моральных, репутационных последствий, но даже и в узкопрагматическом плане. Относительно недавние примеры этого – отчаянные усилия московских бюрократов среднего уровня изменить в свою пользу неблагоприятные для них результаты муниципальных выборов 2017 г. Тут использовался весь набор управленческих ухищрений – от технологических трюков и манипуляций до прямого давления и подкупа членов местных избирательных комиссий. И многие факты всплыли, став достоянием гласности. А результатов нужной полной победы власти так и не достигли. Из того же ряда – выходящие за пределы закона действия местных госструктур по повышению явки на президентских выборах 2018 г.

Еще один пример, наиболее, на мой взгляд, возмутительный и наглядно демонстрирующий несоответствие этики поведения некоторых полномочных представителей властных структур даже минимальным стандартам приличий, а попросту говоря, отсутствие у них самого понятия чести – поощряемое ими систематическое циничное надругательство над памятью бывшего вице-премьера российского правительства Б. Немцова. Это уже сродни пляскам на могиле. Как известно, на Москворецком мосту, на том месте, где он был убит выстрелами в спину, силами добровольцев возник и уже более трех лет поддерживается стихийный "народный мемориал": цветы, фотографии Немцова, свечи. Больше того, добровольцы несут там круглосуточные дежурства: круглый год, в любую погоду. И этот мемориал регулярно уничтожается. Причем по ночам, чтобы свидетелей было поменьше, – либо под фальшивым предлогом очистки тротура, либо безо всякого предлога, грубо и безжалостно, иногда даже дважды за ночь. Люди вновь и вновь прино-

сят цветы, а прикрываемые властью мародеры их вновь и вновь сметают и увозят. То же в меньших масштабах происходило и около дома Немцова¹.

Характерно, что и в этом, и в других сходных случаях власти порой не гнушаются обращаться к услугам маргиналов, обеспечивая им разные виды "прикрытия" и даже тем или иным образом поощряя их. Кроме того, боязнь упоминания просто самой фамилии Немцова наводит на размышления то ли из области патопсихологии, то ли на тему реинкарнации типа сознания, присущего некоторым языческим культам, запрещавшим, табуировавшим произнесение определенных слов и имен.

Возвращаясь же к теме протеста, замечу, что вообще, на мой взгляд, протест следует рассматривать как *естественную форму политического участия* (общепринятый политологический термин – political participation), приобретающую повышенную актуальность либо *при отсутствии других эффективных его форм* (как у нас), либо *при неудовлетворенности ими* (как, например, движение *оссиру* в США). Тема гражданского протеста и реакции на него властей представляется одной из ключевых для понимания как общественных процессов, так и существа политического и административного режима страны. Не входя в конкретные причины, вызвавшие протест (они очень разные), отмечу, что общая суть протеста – выражение гражданами публичного несогласия с теми или иными действиями властей, пренебрегшими, по их мнению, их нуждами и ожиданиями, причем часто в демонстративно оскорбительной по отношению к ним форме. Поэтому обладателям властных полномочий надо наконец понять, что *протестная активность – не какая-то опасная патология, угрожающая "основам", а нормальный элемент независимой социальной активности, что, в свою очередь, является условием существования гражданского общества.*

Протестующие – органическая часть гражданского общества. Протест же – не игра с нулевой суммой: он должен давать выигрыш обеим сторонам. Возможно, государству, если под ним понимать конгломерат чиновников с их специальными интересами, такая ситуация порой может быть дискомфортна. Но вряд ли это должно быть главным критерием. К тому же, если смотреть на протестующих как на врагов или, пуще того, "иностранцев", то в итоге не исключены самые неблагоприятные сценарии.

Кроме того, в силах людей с либеральными моральными и психологическими установками (иногда неосознанными) *формировать горизонтальные связи, параллельные структуры, не связанные с государством.* Общий "знаменатель", идеологический посыл таких действий – *стать максимально независимыми от государственной бюрократии.* В России есть немало либерально ориентированных людей и их групп. Как правило, их интересы сосредоточены совсем не в политической области. В значительном большинстве это сообщества деловые, социальные, благотворительные, культурные, просветительские. Правда, они не консолидированы и часто даже друг о друге не знают. Более того, многие из них не осознают себя в качестве либералов, а порой и слова такого либо не знают, либо знают лишь его навязываемые официозом негативные и уничижительные коннотации. Но важна или даже необходима "интуитивным либералам" такая консолидация – вопрос отдельный с неочевидным для меня ответом.

Так или иначе, согласно известным социологическим данным, *люди не доверяют большинству государственных институтов и не верят в "государственный разум", благие намерения и даже просто в честность их персонала.* На этом фоне зашкаливающе высокий уровень вербального выражения доверия к президенту – вопрос самостоятельного обсуждения. Замечу лишь, что персональный культ и даже обожание "вождя народа", "спасителя нации" и т.п. всегда в истории был эфемерен и непредсказуем даже в кратковременной перспективе. Вспомним хотя бы заоблачный уровень популярности и последующее мгновенное его падение к нулевой отметке у таких отечественных политических лидеров, как А. Керенский (он в течение нескольких месяцев 1917 г. был

¹ После обращения К. Собчак – кандидата в президенты на выборах 2018 г. – московские власти разрешили установить на доме, где жил Немцов, мемориальную табличку.

всеобщим идолом, кумиром, которого в буквальном смысле слова носили на руках все – от интеллектуалов до солдат действующей армии [Колоницкий 2017]). Такой же феномен смены отношений к политическому лидеру мы совсем недавно могли наблюдать в случаях и Горбачева, и Ельцина. Главное, что в любом случае никакая личная популярность не компенсирует низкого доверия к прочим государственным институтам и персонам.

А общее недоверие к системе правления, которая стала почти столь же антилиберальной, как в советские времена, парадоксальным образом работает на **возрождение либеральных ценностей**. В этом, на мой взгляд, база для умеренно оптимистичного взгляда и надежд на развитие России по позитивному сценарию. Относительно же времени наступления перемен могу лишь заметить, что современный уровень прогнозирования в социальной науке не дает оснований для особого почтения. Политическая динамика, особенно в таких обществах, как российское, – вещь почти непредсказуемая. И будущее, даже ближайшее, открыто для самых разных сценариев: от самых благоприятных до близких к катастрофичным. Но в том, по какому сценарию пойдет развитие событий, то или иное отношение к либерализму должно будет сыграть не последнюю роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Восленский М. (1991) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: М.П. "Октябрь"; Советская Россия.

Колоницкий Б. (2017) "Товарищ Керенский": антимонархическая революция. Формирование культа "вождя народа", март–июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение.

Крыштановская О. (1995) Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту // Общественные науки и современность. № 1. С. 51–65.

Льюис К. (1992) Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты. М.: Республика.

Оболонский А. (2015) Цинизм и романтизм как факторы политической жизни: Украина и Россия // Агора. Вып. 15. Институт Кеннана. С. 27–32.

Оболонский А. (2016) Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.

Савватеева И. (1995) О тех, кто нами правит // Известия. 15 мая

Травин Д.Я. (2018) Почему ищут особый путь... которого нет // "Особый путь" страны: мифы и реальность. М.: Мысль. С. 55–119.

Liberal vs bureaucratic mentalities and Russian transformation in the late 20th century and in the early 21st century

A. OBOLONSKY*

* **Obolonsky Aleksandr** – doctor of sciences (law), professor at the National Research University "Higher School of Economics". Address: 20, Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation. E-mail: aobolonsky@hse.ru

Abstract

The social ethical aspect of events during perestroika and several following years is a subject of the article. By the author opinion, it have been the heydays of liberal ethical values, of romantic hopes and expectations and public demand for justice and honesty of authorities. Unfortunately, substantial underestimation of moral factors' meaning in the reforming process engendered resulting moral crisis, general disappointment in liberalism and other long-term negative consequences. Acquirement of intellectual and political liberties coincided of time with catastrophic economic situation and urgent necessity of hard measures conduct. It have been made and saved the country from economic collapse but for high political price, being joined wrongly in mass consciousness with liberal approach as such. The dynamic of people tolerance' exhaustion to material impoverishment for benefit of political freedom is considered. The paradox of double, contradictory treatment of liberalism both in Soviet intellectual and bureaucratic circles is described. Exorbitant conti-

nuity of former soviet administrative personnel engendered moral anomaly, identity crisis and alienation among them because inherited officials proved to be unprepared both morally and professionally for work in principally other situation of transit. It promoted development of systemic corruption. The phenomenon of deceived trust, addressed both to personal and institutional level of governance, underlined public trust to democratic institutions and state as such and even believe in principal possibility to have honest government. In concluding part of the article author turns to contemporary situation and finds in it a certain grounds for optimism. It based on revival of demand for social justice and unwillingness to tolerate absence of it more. Public protest considers in this context as a normal element of social activity and political participation, as precondition for civil society existence. Also such form of liberal values revival, intuitive sometimes, as forming of horizontal connections and parallel political structures in different areas of social life, what makes them maximally independent from state bureaucracy, is marked.

Keywords: liberalism, bureaucracy, ethics, political liberties, identity crisis, trust, protest, disappointment.

REFERENCES

Kolonitskiy B. (2017) *"Tovarishch Kerenskiy": antimonarchicheskaya revolyutsiya. Formirovaniye kul'ta "vozhdya naroda", mart–iyun' 1917 goda* ["Comrade Kerensky": an anti-monarchist revolution. Formation of the cult of the "leader of the people", March-June 1917]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Kryshtanovskaya O. (1995) Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu sovetskuyu elitu [The transformation of the old nomenclature into a new Soviet elite]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 51–65.

Lewis K. (1992) *Lyubov'. Stradanie. Nadezhda. Pritchi. Traktaty*. [Love. Suffering. Hope. Proverbs. Treatises]. Moscow: Respublika.

Obolonskiy A. (2015) Cinizm i romantizm kak faktory politicheskoy zhizni: Ukraina i Rossiya [Cynicism and Romanticism as Factors of Political Life: Ukraine and Russia]. *Agora*, vyp. 15, Institut Kennana, pp. 27–32.

Obolonskiy A. (2016) *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. Moscow: Mysl'.

Savvateeva I. (1995) O tekh, kto nami pravit [About those who rule us]. *Izvestiya*. 15 maya.

Travin D.Ya. (2018) Pochemu ischut osoby put'... kotorogo net [Why are they looking for a special way ... which is not]. *"Osobyj put'" strany: mify i real'nost'*. ["A special way" of the country: myths and reality]. Moscow: Mysl', pp. 55–119.

Voslenskiy M. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz*a [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow: M.P."Oktyabr", Sovetskaya Rossiya.